

Лингвистический быт Москвы 1920-х годов и искусство речевого портрета в мемуарном очерке А.А. Реформатского

Характеризуется значение мемуарного очерка А.А. Реформатского для изучения становления первого послереволюционного поколения московских лингвистов. Показано своеобразие этих мемуаров как лингвистического документирования речевой манеры автора и героя воспоминаний.

Ключевые слова: филологическая подготовка студентов-лингвистов; междисциплинарные связи в развитии московской лингвистики 1920-х годов; достоверность передачи прямой речи в мемуарах.

В контексте истории московской лингвистики имя историка древнерусской литературы Александра Сергеевича Орлова до сих пор всплывало лишь в связи с приписываемым ему обозначением «ушаковские мальчишки». Теми, кого он так назвал, ироническая формула была воспринята как знак отличия и предмет гордости¹, а для последующих поколений превратилась чуть ли не в историко-научный термин.

Одно это обстоятельство должно было бы побудить историков нашей науки увидеть в А.С. Орлове не просто меткого остролова, но и по крайней мере заинтересованного наблюдателя деятельности молодых московских лингвистов, группировавшихся в конце 1920-е и 1930-е годы вокруг Д.Н. Ушакова. Публикуемый в этом номере мемуарный очерк А.А. Реформатского свидетельствует, что А.С. Орлов был для этого лингвистического поколения в определенной степени учителем, причем в обоих смыслах этого слова: и как преподаватель, и как ученый.

Прежде, чем стать академиком, переехав в 1931 г. в Ленинград, и сосредоточиться на научной и организаторской работе, А.С. Орлов больше 20 лет преподавал на кафедре истории русской литературы в Московском университете. Но даже историографы этой кафедры его характеризуют исключительно как исследователя, одного из первооткрывателей художественной специфики русской средневековой словесности.²

В очерке А.А. Реформатского Орлов показан прежде всего как преподаватель, притом увиденный именно глазами студента и в годы, может быть, самые трудные для филологического образования в Московском университете. Мы узнаем о некоторых методических приемах Орлова, стиле его общения со студентами, колоритных деталях скудного быта начала 1920-х годов, о том, какую фундаментальную филологическую подготовку получали будущие зачинатели Московской фонологической школы и лингвистического структурализма.

Рассказывает Реформатский и об относящихся уже к середине десятилетия научных выступлениях Орлова. Для истории языкознания в его рассказе примечательны два момента. Во-первых, учреждения, где мемуарист слушал своего недавнего преподавателя: Общество любителей российской словесности и особенно Государственная академия художественных наук. Молодые московские языковеды не замыкались в своей узкой специальности, но активно включались в созидание нового междисциплинарного гуманитарного знания.³

Во-вторых, Александр Александрович подчеркивает умение Орлова вскрыть «особую поэтику» летописи. Такое умение немислимо без систематического внимания к словесной ткани текста. Не будет слишком смелым предположить, что и в своей педагогической работе Орлов не только формировал историко-литературный кругозор студентов, но и пробуждал в них живое чувство русского слова, лингвистическое чутье.

Таким образом, публикуемые воспоминания выводят А.С. Орлова из рамок одной лишь историко-литературной науки и заставляют нас присмотреться к его роли в научном становлении первого революционного поколения московских языковедов. А сообщаемые Реформатским подробности и ранее неизвестные факты об участии Орлова в орфографических баталиях середины 1930-х годов дают право и на постановку вопроса о собственных взглядах ученого на проблемы современной русской речи. Такая постановка будет тем более оправданна, что А.С. Орлов успел опубликовать некоторые наблюдения над речевой практикой своих современников.⁴

Однако своеобразие, значение и – смело сказать – озорное очарование мемуарного очерка Реформатского далеко не исчерпываются его фактической стороной, его источниковедческой ценностью. Перед нами удивительный образец речевого искусства мемуариста, фактически – двойной речевой портрет двух замечательных мастеров русского слова: того, о ком вспоминают, и того, кто вспоминает.

Из-за запоздалой публикации воспоминания Реформатского вынужденно будут восприниматься читателем на фоне созданных

почти на 20 лет позже воспоминаний об Орлове Д.С. Лихачева.⁵ Сравнение с этим глубоко человечным и значительно более подробным мемуарным портретом могло бы оказаться невыгодным для краткого очерка Реформатского. Но читатель легко убедится, что два написанных в совершенно разной манере портрета прекрасно дополняют и подтверждают друг друга.

И дело тут не только в том, что Лихачева судьба близко свела с Орловым как раз тогда, когда общение Реформатского со своим учителем стало эпизодическим. Мемуары Реформатского зримо передают то, с чем Лихачев тоже столкнулся вплотную, но о чем смог только кратко сообщить: неповторимо оригинальную устную речь Орлова, своеобразие его стиля общения.

Д.С. Лихачев вспоминал: «... в пору своего пребывания в Академии он был «великий ругатель». Особенно любил он стать на площадке второго этажа Пушкинского Дома так, что его было слышно всюду <...>, и балагурить, давая острые характеристики всем «старшим». Ни одной из этих характеристик Лихачев не привел, поскольку «при всей своей меткости они были несправедливы и иногда очень оскорбительны».⁶

Реформатский не только сохранил для нас одну из этих характеристик «старших», относящуюся к тому же «академическому» периоду, про который вспоминает Лихачев⁷, но он запечатлел для нас ту почву, на которой произрастали эти «цветочки»: крепкую, сочную устную речь своего учителя. Сделать это ему было тем легче, что он познакомился с Орловым на 15 лет раньше, и не в академических учреждениях, а в холодных аудиториях и в разваленном жилище в Москве 1920 года, и сложившийся там стиль общения сохранился между учителем и учеником до конца.

Но к передаче устной речи в мемуарах издавна существует стойкое предубеждение: разве можно в течение стольких лет помнить слова другого человека? Как Реформатский выходит из этого принципиального для мемуарного жанра затруднения? Во-первых, все приводимые им реплики Орлова сравнительно коротки, что должно было благоприятствовать запоминанию. Во-вторых, у всех таких реплик характерное для устной речи синтаксическое построение. В-третьих, в них присутствуют типичные для разговора способы номинации: грубоватые уменьшительные формы семейных имен, слова типа *аспиды* и др. Все эти черты делают воспроизводимую речь Орлова живой и достоверной. Что помогало тут Реформатскому: ухо лингвиста или чутье художника (напомним, в 20-е годы он пробовал себя в художественной прозе⁸), – в конце концов не так уж и важно: речь героя воссоздана, а победителей не судят.

Те, кто помнят устную речь самого Реформатского или знают о ней из исследований⁹ и воспоминаний, без труда увидят в ней определенное сходство с речью его учителя. Было ли то результатом сознательной (поначалу) ориентации или просто следствием типологического сходства, судить преждевременно (а то и вовсе невозможно). Пока же обратим внимание на то, с какой полнотой и свободой запечатлелась в слоге воспоминаний личность самого Реформатского. Это безусловно полноценная письменная речь, но до чего же органично сочетаются в ней самые разные регистры и ресурсы русского языка, от площадного слова до научной терминологии! Думается, тут есть над чем потрудиться будущим исследователям...

Примечания

- ¹ См.: *Винокур Г.О.* Жизненный путь Д.Н. Ушакова // Известия Российской Академии наук. Серия лит. и языка. 1992. Т. 51. № 3. С. 69-70.
- ² *Смирнов А.А.* Кафедра истории русской литературы // Филологический факультет Московского университета: Очерки истории. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд. Моск. ун-та, 2007. С. 49-50.
- ³ Связь с ГАХН Винокура хорошо известна. В отношении Реформатского см.: *Иванова Е.А.* Научный и институциональный контекст формирования лингво-семиотических взглядов А.А. Реформатского // Известия Российской Академии наук. Серия лит. и языка. 2011. Т. 70. № 3.
- ⁴ См. в частности: *Орлов А.С.* Академик А.Н. Крылов – знаток и любитель русской речи // Вестник АН СССР. 1946. № 1.
- ⁵ *Лихачев Д.С.* Академик Александр Сергеевич Орлов и Варвара Павловна Адрианова-Перетц.: Страницы воспоминаний. Изд. 2-е // *Лихачев Д.С.* Прошлое – будущему: Статьи и очерки Л.: Наука, 1985.
- ⁶ Там же. С. 409-410.
- ⁷ Это орловская характеристика Н.К. Пиксанова. Не подвергая сомнению его научные заслуги, укажем все же, что она находит определенные аналоги и подкрепления в свидетельствах современников и в архивных документах. Ср. письмо Г.О. Винокура Р.О. Якобсону от 18 октября 1925 г. // Новое литературное обозрение. 1996. № 1. С. 93. *Пиксанов Н.К.* Выступление в ИМЛИ им. А.М. Горького на защите диссертации М.М. Бахтиным 15 ноября 1946 г. // *Паньков Н.А.* Вопросы биографии и научного творчества. М.М. Бахтина. М.: Изд. Москв. ун-та, 2010. С. 199-202.
- ⁸ Образцы этой прозы в 2015 г. опубликует журнал «Наше наследие».
- ⁹ См.: Опыт исследования языковой личности А.А. Реформатского // Язык и личность. М.: Наука, 1989, особенно главы об устной речи Е.В. Красильниковой и о домашнем общении М.А. Реформатской.